

Смирнов С.С.

Непередаваемые прелести
советской Прибалтики

Сергей Смирнов

**Непередаваемые прелести
советской Прибалтики (сборник)**

«Горизонт»

2015

Смирнов С. С.

Непередаваемые прелести советской Прибалтики (сборник) /
С. С. Смирнов — «Горизонт», 2015 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

ISBN 978-5-457-90721-8

Вашему вниманию предлагается некий винегрет из беллетристики и капельки публицистики. Итак, об ингредиентах. Сначала – беллетристика. В общем, был у латышей веками чистый национальный праздник. И пришёл к ним солдат-освободитель. Действительно освободитель, кровью и жизнями советских людей освободивший их и от внешней нацистской оккупации, и от нацистов доморощенных – тоже. И давший им впоследствии столько, сколько, пожалуй, никому в СССР и не давал. От себя нередко отрывая. Да по столько, что все прибалтийские республики «витриной советского социализма» звали. Но было над тем солдатом столько начальства... От отца-взводного и аж до Политбюро ЦК КПСС. И Политбюро это (а вместе с ним и сямки помельче) полагало, что «в чужой монастырь со своим уставом соваться» – можно. А в «уставе» том было сказано не только о монастырях: там о всех религиях, начиная с язычества и по сей день, было написано, что это – идеологический хлам, место которому исключительно на свалке истории... Вот так и превратила «мудрая политика партии» чистый и светлый национальный праздник в националистический шáбаш и оплот антисоветского сопротивления. И кто знает, может то, что делалось в советские времена с этим праздником – тоже частичка того, что стало, в конце концов, и с самим СССР?.. А второй ингредиент – публицистика. Он – с цифрами. Но их немного и они – не скучные. Текст, собственно, не для «всепопальщиков». Эти – безнадежны. Он для кем-то убеждённых в том, что Рабочее-Крестьянская Красная Армия (а вместе с ней и Рабочее-Крестьянский Красный Флот) безудержно покатались 22-го июня 41-го года от границ СССР и аж до самой Москвы. Вот там коротко и рассказывается, как они «катились». Пять месяцев. То есть полгода почти. В первые недели которого немец был разгромлен под Кандалакшей и за всю войну смог потом продвинуться на том направлении – всего на четыре километра. Как тоже четыре, только месяца уже из пяти дралась в глубоком немецком тылу Брестская крепость. Как 72 дня оборонялась Одесса, сдав город – день в день! – как немец подошёл к Москве. А «катилась» РККА пять месяцев ровно то самое расстояние, которое нынешний турист-автомобилист на навьюченной тачке менее, чем за сутки преодолевает...

ISBN 978-5-457-90721-8

© Смирнов С. С., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Глава первая. Местный колорит	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Смирнов

Непередаваемые прелести советской Прибалтики

Глава первая. Местный колорит

Да-а-а... Рига – прекрасный город. И «Цветочная» улица, на которой и про Штирлица снимали, и про Холмса тоже. Она за Домским собором прячется, слева. А на ней прекрасный ресторанчик (уж и не помню, как назывался) с полуподвальным баром, с глиняной посудой, который иначе, как средневековый трактир и не воспринимался – такое там было всё прочное, мабутное и состаренное. Учредителями (тогда и слова-то такого не было!) у него были охотхозяйство, рыбсовхоз и Курземский пивзавод – вы представляете, какая там была кухня?!! Недавно приехавший из Латвии знакомый – живёт там – говорит, что нет его уже. Давно нет.

В центре Риги, недалеко от вокзала, был музей Латышских стрелков. Экспозиция, выдержанная вполне в духе большевистской пропаганды, была, тем не менее, интересной – кое-что из ранее неизвестного, нам, молодым морским офицерам, удалось для себя почерпнуть. На площади спросили дорогу у благообразного седого старичка в клетчатом кепи. Он не сослался на незнание города и на незнание русского языка, а, напротив, приятно уху растягивая гласные, очень благожелательно и обстоятельно нам всё разъяснил. А затем, сладко прищурившись на регалии флотских мундиров, проговорил:

- А всё-таки Ленин не доверял русским.
- Это почему? – ошарашено спросили мы.
- Ну-у-у... Его же даже в Кремле наши стрелки охраняли!..

Едем автобусом из Калининграда в Лиепая. Советск. На прилавках – шаром покати. Пересекли мост через Неман – Литва. Два шага, и – изобилие!!! Ну, колбасу и хлеб на глаз ещё как-то узнать можно. На банках же и упаковках – ни одного русского слова. Русский язык, как по уговору, тоже все позабывали. Купили пачку масла в дорогу. На бутерброды. В автобусе оказалось – маргарин.

Шилуте. Автовокзал. Ворота в социалистический запад – в Прибалтику. Вокруг площади в тени вековых лип – уютные домики-прилавки, плетёные из лозы. Шашлыки, сортов пять разливного пива вплоть до тёмного. К пандусу подъезжает калининградский автобус. Выходим. Ларёчки, только что так манившие сквозь автобусные окна... закрыты все до единого. Стоянка – всего полчаса.

Паланга. Долго едем пригородом, любуясь игрушечными коттеджиками по обеим сторонам дороги. Неожиданно справа домики обрываются и открывается площадь, мощёная красноватой плиткой. По периметру – магазины, магазинчики, лавчонки, кафешки и ресторанчики. Мы, оказывается, давно в городе – это ж автовокзал!.. Стоянка полтора часа. Пробираемся к передней двери, на ходу обсуждая меню предстоящего обеда. Водитель, дождавшись пока мы с ним поравняемся, прищурился и спросил:

- Ребят, а у вас «гражданка» есть?
- Есть, а что?
- Ну, вот и переодевайтесь. Чтоб успеть за полтора часа пообедать!

Наконец, въехали в Латвию и скоро Бернаты уж. В Бернатах надо бы остановиться. Дел на копейку – передать посылку начальнику погранзаставы. Правда, следующий автобус только вечером, но до Лиепай осталось-то чуть больше десятка километров. И просили

нас очень... Да доедем уж как-нибудь!.. Пошли искать военкомат или комендатуру – знали только позывной оперативного телефона. Часа через два стало казаться, что попали в город глухонемых. А так как Бернаты, по сравнению, например, с недавно проследованной Палангой – дыра дырой, то ещё и довольно агрессивных глухонемых. Всё это вкупе с июньской жарой начинает уже порядком доставать. И тут напарываемся на гарнизонный патруль. К тому же сухопутный. По давно выработанной привычке напрягаемся и приводим в порядок форму одежды – сдвигаем фуражки с затылка на положенное им место. Но «сапоги» нас уже заприметили и прибавили ходу в нашу сторону. Вот, бль-ль... ля-а-а-а!.. Руки сами зашарили в поисках документов.

Начпатруля подлетел и, на ходу козырнув, спросил с удивлённо расширенными глазами:

– Ребят, вы чего тут?

Несколько опешив от «ребят», объяснили, что так, мол, и так, продолжая мять в руках удостоверения личности и командировочные предписания, которые, судя по всему, никто и не собирался у нас проверять.

– А когда автобус ваш?

– В 23.15.

– Та-а-ак... В комендатуру пошли!

– Да мы ща машину поймаем, ящик вот завезём и – в Лиепаю!..

– Не-не-не-не! В комендатуру давайте!..

– Да за что в комендатуру-то?!!

– Давайте-давайте... Лиго сегодня, а там вам ништяк будет – специально караул от ВДВ выхлопотали!

Чего сегодня нам будет ништяк от ВДВ? Не уловив логики и ничего не поняв, сбитые с толку, мы поплелись за начальником патруля. Бойцы-патрульные расхватили наши пожитки и мы двинулись в комендатуру маленьким, но грозным подразделением аж с тремя офицерами во главе.

Часа через два с половиной во двор комендатуры влетел взмыленный УАЗик и из него в ядовито-зелёной фуражке вылез «пятнадцатилетний капитан» погранвойск. В смысле, капитан, который, судя по возрасту, уже лет пятнадцать, как звезду майора ждёт. Он сухо, со стальным прищуром – видимо, сказывалась долгая жизнь в по-гранзоне – выспросил нас об обстоятельствах нашего возможного отъезда и тоном, не терпящим никаких возражений, подытожил:

– Поехали ко мне в хозяйство. Грузите манатки в бобик.

– Да спасибо, капитан, не надо! Нам тут ехать-то шиш да ни фига осталось – к тебе больше промотаемся!..

– Завтра дам машину, бойца... Доставлю до места в лучшем виде. Вам в Вентспилс? – спросил он абсолютно, как местный, с ударением на последний слог.

– Да ну-у-у... В Лиепаю нам. В Тосмаре даже!

– Тю-у-у! Тут ехать-то!..

– Так и я говорю...

– Всё! В Лепаю, так в Лепаю, – опять «по-местному», опуская «и» и делая ударение на «е», проговорил капитан, – Дома договорим. Тем более, что по дороге нам – мне самому завтра в Вентспилс надо.

– Концы, однако...

– Чё-о-о-о-о?!!

И капитан... преобразился! Серые стальные глаза совсем спрятались в лучиках морщинок, идущих от них к вискам, и весь он как-то подобрел, что ли?.. Улыбающийся во весь

рот капитан стал совсем похож на нормального человека, и, видимо, даже хорошего мужика, а не на солдафона, заряженного на исполнение служебного долга.

– Мила-а-ай!.. Какие концы?! Где ты здесь концы-то увидал?! Я вот с Алтая сам. С-под Барнаула, слышал? Так вот как они тут с Литвы в Эстонию ездят, мы там так по девкам шляемся! Сибирь же, мать её!.. А здесь чего? Три плевка на карте! Тя как звать-то? Серёгой? Ну, во-о-от... А я – Лёша.

Где-то после часа езды Лёша гордо обвёл горизонт рукой и провозгласил:

– Вот. Моё хозяйство. Охота. Рыбалка – и, помолчав, добавил – Грибы-ягоды, мать их...

Вдалеке, справа от дороги, показалась ярко жёлтая будка с синей полосой, а рядом с ней такой же мотоцикл с коляской. Странно... По нашим меркам – глухомань: асфальтовая одnorядка без бордюров, справа и впереди – лес стеной, слева – поле до горизонта, а будка-а-а!.. И не будка даже, а вполне комфортабельный финский домик – свежевыкрашенный, аккуратненький... Ну, как с картинки! Такой вот сельский пост ГАИ.

Показался и гаишник. Несколько мгновений он вглядывался в нашу машину, потом вдруг повернулся к нам спиной и замер. Затем, как бы размышляя, сделал пару нерешительных шагов в сторону поста и... твёрдой походкой направился вовнутрь.

– От-сссу-у-у... – выдохнул Лёша, и в голос добавил – Кирюш, притормози.

Капитан вылез из УАЗика и, выбрав точку ровно посередине между УАЗиком и постом, остановился, широко расставив ноги, склонив голову набок и заложив руки за спину. Секунды шли...

Наконец, на пороге нехотя показался сержант-гаишник. Длинный, белобрысый и невыразительный – в фуражке, форменной рубашке с короткими рукавами и расстёгнутым воротом. Чуть помедлив, он вразвалочку пошел к капитану и, подойдя, отдал честь рукой, на запястье которой болтался полосатый жезл. Алексей, не дослушав рапорта, перебил:

– Почему не досматриваем машины, въезжающие в погранзону?

Сержант выпучил глаза и начал – Я-а-а-а...

– Ты!!! Ты-ы-ы... – Алексей задохнулся и, не меняя позы, весь подался вперёд, что казалось, будто вот-вот рухнет на гаишника. Дальше пошёл текст не для радио. Хотя видеоряд был замечательный: сержант долго и мучительно застёгивал ворот, борясь с острым кадыком, бегал на пост за галстуком, потом за заколкой для него, перекладывал жезл в левую руку, проверял ребром ладони правильность кокарды и изредка блял что-то невразумительное...

Когда чуть отъехали, Алик, мой спутник в скитаниях по Прибалтике, спросил:

– Лёш, так ты здесь «царь и Бог, и воинский начальник»?

– Погранзона, режимный объект. Моя власть тут – верхняя. И напомнить об этом лишней раз ой, как нелишне. Тем более, что всегда есть кому... – Алексей заметно помрачнев, зло и свистяще повторил – «Здесь-сь-сь, здесь-сь-сь...» Я здесь, скорее, как комендант осаждённой крепости. Вылазками пробавляюсь...

– Ну, так ведь есть закон о Государственной границе? Се-се-сер, вроде. Наша территория...

– Ты её метил, территорию-то эту? А я вот, вишь, только этим и занимаюсь... Понимаешь, Олег, в этих местах, как последний схрон засыпали, ещё и тридцати лет не прошло. Помнят... Мать их. Мно-о-огие помнят.

Съехали на просёлок, а потом и просто в лес с едва угадываемой колеёй, и под шуточки, что Лёша служит «там, где кончается асфальт», нас прищучил секрет, буквально из воздуха материализовавшись перед капотом. На просеке стояли два здоровых молодца, и один из них подавал машине знаки остановиться. Оба были с расстёгнутыми воротами гимнастёрки, но с белоснежными подворотничками. Оба с засученными рукавами. У обоих на пузе «калаши». Секрет-то секрет, но вывалили они почти всем нарядом – позади, на самой опушке стоял

ещё один боец, а рядом – «хвост» с немцем-кобелём на поводке. Видимо, знали, кто едет. Ждали...

– Мои, – самодовольно обронил Лёха и полез наружу. Инспектировать. Надо сказать, что инспекция прошла без демонстрации приёмов строевой выучки «на месте, в движении и с оружием». Погранцы просто и очень по-свойски что-то обсудили, Лёха пару раз махнул в сторону поста ГАИ, один из бойцов глянул на часы и вся хевра, элегантно откозыряв, исчезла, растворившись в лесу...

Уже глубокой ночью (хотя и стемнело почти только что) под навесом бревенчатой бани, которую brave «мухтары» срубили на берегу лесного озера, сидели распаренные начза-ставы Лёха, его замполит Юрий, его старшина Иван Филиппыч и мы. Нам с Олегом было довольно строго заявлено, что гуляем всю ночь. Польщённые вниманием, мы не очень-то и возражали. Стены сруба были украшены огромными и пышными венками из дубовых веток и простеньких цветочков вперемешку с дубовыми же банными венками. Такие же венки и венки были развешаны под потолком самого навеса и на его опорных столбах. По углам открытой импровизированной терраски стояли кадки и вёдра с папоротником, а весь порог, ведущая на неё лесенка и перила терраски были усыпаны свежесрезанной крапивой. Аромат от всего этого стоял потрясающий!..

В центр струганного стола водрузили большое блюдо, буквально заваленное сыром самых разных сортов, причём о существовании некоторых из них я доселе и не подозревал. Вокруг всё было уставлено плодами «охоты-рыбалки», а оставшееся пространство – запотевшими результатами «вылазок» из «осаждённой крепости». Количество запасённого кроме всего прочего пива поражало. Подступы к бане периодически обегал огромный, почти чёрный мохнатый пёс с прямым по-волчьему хвостом – Айсарг. Возвращаясь, он тяжело плюхался под навесом среди мисок с едой и газеток с выложенными на них отходами кулинарного процесса. И ни к чему не притрагивался – то ли учён так был, то ли не мог уже.

Три жены – Лёшки, замполита и старшины – в парную сходили всего раз. Да и то баловство одно – минут на десять перед нами забежали, и выскочили. Столом занялись. А сейчас посылку разбирали. И что странно – посылка была Лёшке, а гостинцы достались всем. Нам тоже всучили по паре толстых носков из собачьей шерсти, «с двойной пяткой». И ехать дальше вообще никуда не хотелось – ни на автобусе, ни не на автобусе...

Неожиданно старшина с супругой активно зашевелились, дав понять, что продолжение банкета будет, и оно – обязательно.

– Да куда?.. – запротестовали было мы с Аликом, но Лёха решительно пресёк пререкания, выложив, с его точки зрения, убийственный аргумент:

– Это так, перекусили пока. А будет – уха. Тройная! – поискав глазами по столу, он нашел «Беломор» и, смачно продув папиросу, закурил, – Пойдём-ка... пройдемся пока.

Поднялись все, включая Айсарга. Нам с Аликом выдали по офицерскому бушлату с коричневыми цигейковыми воротниками, а тельники мы заправили в заранее выданные грязно-песочные штаны-«афганки».

Оказывается, на костре за баней уже закипал полутораведёрный котёл, переделанный из огромной армейской баклаги, а на приставленном к срубу столе были аккуратно выложены все ингредиенты – в порядке будущих закладок. Всё, что нужно, было уже пошинковано, а первая закладка – «ми-и-илочь непотрошёная... зараз с соплями прям» – была укутана в марлю, и к получившемуся довольно объёмистому мешку была привязана чистая бельевая верёвка. На вторую закладку были приготовлены выпотрошенные, без жабр и голов, но в чешуе – окуни с ершами. Эти не были пока упакованы, а просто горкой лежали на большом куске марли. На третью – чудовищные куски судака и щуки. И под занавес, перед самым съёмом с огня – миска чищенных раков! По всему, уха даже «четверная» получалась. И настоящая – пресноводная!..

Засуетившись вокруг баклаги, старшина с женой тут же переругались, потому что она рвалась пассеровать все овощи подряд, а он категорически возражал:

– Нэ надо, я те грю!.. От баба упэртая!!! Шо нэ попросишь зробить, усё – борш-ш-ш... Це ж уха!

– Иды-ы-ы!.. Раскомандовался... – огрызнулась та и всё делала по-своему на заранее прилаженной электроплитке. Им никто не помогал, да они и сами никому «нычóго» брать не разрешали, тут же единым фронтом нападавая на покушавшегося. Народ, надев на головы снятые со стен венки, сразу стал похож на какую-то банду леших, и, расположившись вокруг них полуколечком, стал, на чём свет стоит, хаять весь процесс. Женщины то и дело ухахатывались до колик, обзывая старшину почему-то Янисом, а он от них отчаянно отбивался, стараясь избавиться от постоянно напяливаемого на него венка. Замполит притворно качал головой и сокрушался, что нет, не будет, видно, из Филиппыча толку...

– Пошли-пошли... Глянем, – сказал Лёха, увлекая меня к берегу за локоть.

– За папоротником? Веночки-то на прогулочку не оденете? – игриво окликнула нас жена замполита и весело расхохоталась на Лёшкино «вечно ты с глупостями».

– Далеко-то не уходите – у нас ещё купание запланировано!.. – окончательно напутствовала она нас под общий взрыв хохота.

Айсарг начал выписывать «пастушьи» восьмёрки, то убегая куда-то в непроглядную тьму вперёд, то, наоборот, далеко назад, видимо, инспектируя оставшихся. Спустившись к озеру, мы начали огибать его слева и уже довольно далеко ушли. Противоположный берег вздыбился в огромный темный холм с двумя вершинами – правая была чуть пониже. Я поминутно оглядывался, но Лёха уверенно сказал, что нас догонят, и мы начали взбираться на холм, густо заросший кустарником с одинокими, то тут, то там торчащими высоченными соснами, держа всё-таки поправее. Чем выше мы забирались, тем кустарник становился реже. Но не пропадал, а рассыпался по холму уже отдельными островками. Зато появились огромные валуны, тоже разбросанные на холме то по одному, а то и по несколько. Позади раздались едва слышные голоса и весёлый смех, и тьма внизу сгустилась вокруг двух пар чуть более светлых пятнышек – видимо, женщины вытащили на прогулку по окрестностям и Олега с Юрой. Папиросы Лёха забыл и мы, усевшись на огромный плоский валун, курили мои «московские дары» – «Яву» явскую в мягкой пачке. Впереди, метрах в пяти-в шести, на таком же валуне застыл Айсарг – он сидел прямо-прямо, обернув себя тёплым хвостом, и напряжённо смотрел куда-то вдаль...

– Лёш, а где ж граница-то?

– А там, – он махнул рукой в сторону Айсарга, – Прямо. Метров с полста.

– А море?

– А оно, милай, граница и есть.

– Пойдём глянем?

– Пойдём.

Я мысленно приготовился к спуску с холма, но не успел и трёх шагов сделать, как открылось... море. Море с берега всегда неожиданно открывается и – ошарашивает величием!.. И тут же закололи в лицо миллионы прохладных и чуть влажных иголок, и – запах. Ни с чем несравнимый запах моря.

Дойдя до камня, на котором сидел Айсарг, я уселся рядом с ним. Море выходило из-под холма спокойным, тихим и темным, тут же осветляясь и к горизонту напоминая уже чашу жидкого серебра. Горизонт – тонкая, с волос буквально, тускло поблескивающая линия от края и до края. А прямо вверх от неё – иссиня-чёрное небо. Кое-где на секунду-две испуганно выглядывали звёзды и тут же прятались в этот чернильный мрак. Луны не было вовсе – видимо, она так странно подсвечивала море откуда-то из-за неразличимых нами туч.

– Погода-то не очень – через полчаса-час может жахнуть, – сказал подошедший Лёха и, ни к селу, ни к городу прибавил, – Жаль, ненадолго...

– Почему это?

– Да всё потому же, – ответил он сухо, как бы закрывая тему.

Левее нас и совсем рядом, кабельтовых в трех-четырёх, густо темнел будто очерченным силуэтом ладненский МПК.

– Граница-то там скорее, чем здесь, – сказал Лёха и указал на противоположник.

– Бранд-вахта?

– Ага. Коллеги. Закурим, что ли?

Внезапно у «коллег» вспыхнул яркий огонь прожектора. Луч его зайчиком заплясал по воде – сначала беспорядочно, а потом всё спокойнее и, наконец, стал описывать по поверхности плавные дуги, раз за разом всё более приближаясь к берегу. Вскоре зайчик пропал, но прожектор всё также ярко горел и был неподвижен. Было очевидно, что луч его выбрал что-то на берегу и теперь внимательно это «изучает».

– Интересно, что он там нашёл?.. – проговорил я, давая Лёхе прикурить.

– Лиго. Небось, девок голых в дальномер разглядывают.

– Да? Лёш, я уже второй раз за день слышу это слово и, кажется, именно ему обязан твоим гостеприимством.

– А ты что, про Лиго и не слыхал вовсе?

– Да нет... Может, просветишь?..

– Ай, Лёша, Лёша, – обратился он к самому себе, – не подвело чутьё-то! А вообще-то в Прибалтике летом бывал? – спросил он уже меня.

– Ну да... Много раз.

– И в июне?

– А щас что, август, что ли? Да и раньше тоже бывал... Вот в санатории, в Майори. Да, где-то с середины мая и по середину июня – ровно 28 суток.

– А-а... Значит, 23-го числа тебя уже не было.

– Так, Лёш – сегодня 23-е-то Это что, принципиально так? Так вот он я, здесь...

– Сегодня, Серег, уже 24-е давно. В ночь с 22-го на 23-е – день летнего солнцестояния. А в следующую ночь – Лиго и есть. Праздник такой местный. Для латышей – самый важный в году. Важней, чем Новый год. А для нас – самая большая нервотрепка за год!

– Так может, мы зря припёрлись? У тебя, поди, работы невпроворот?..

– Вполне могло быть и хуже, если б вы вообще не припёрлись. Тем более, что мы его тоже, как видишь, празднуем. Ну-у-у... Как умеем. Но я вашим в Балтийске удивляюсь – день в день послать сюда своих офицеров и... не проинструктировать! Не предупредить даже!..

– Лёш, запугал совсем. Может, ты хоть расскажешь?

– Чё ж не рассказать? Покажу даже. Видишь камни те? – и он указал на нагромождение валунов метров в тридцати вперёд и левее нас, – оттуда всё и откроется, хотя там и пониже. Но там склон совсем лысый и прибрежную полосу аж до самого мыса видно. Пошли что ли? Поднимайся...

Уклон был, но небольшой совсем. Но мы всё равно вынуждены были продвигаться чуть бочком – слева стеной стоял кустарник, уходя влево и назад и снова поднимаясь ко второй вершине, а справа камни стали попадаться всё чаще и чаще, поневоле оставляя нам лишь узкую тропку, ведущую в небольшую впадину между вершинами холма. Айсарг шёл замыкающим, легко перепрыгивая с камня на камень. Сначала внизу ничего, кроме тёмного лесного ковра, нельзя было разобрать. Да и он-то скорее угадывался, чем виделся. Просто потому, что там по логике должен быть лес. Потом справа появилось тускло поблескивающее море, и полоска его становилась по мере нашего спуска всё шире и шире, постепенно забирая всё пространство слева от холма.

- Мы на мысе, что ль, Лёш?
- Да, – коротко ответил он, не оборачиваясь – правой рукой он ощупывал каждый валун, ища точку опоры, а левой держал равновесие.
- А кустарником нельзя пройти?
- Можно. Обдерёмся все...
- Позади справа, всего в каких-нибудь десятках метров, послышался разговор.
- Ну, что, Юр? Там они?..! – послышался слегка встревоженный голос Надежды, Лёшкиной жены.
- Припёрлись-таки... Передохнём, – Лёха повернулся. Я протянул ему пачку, но он замахал рукой, – Враз срубят.
- А сами не найдут?
- Не-е-е... Девки сюда не сунутся – ноги переломают.
- А Юрка?
- Что он, дурак, что ли? Он и так допёр, что мы здесь.
- Нет их здесь... Сама видишь, – послышался Юркин голос с того места, откуда мы только что пришли, – Айсарг уже минут двадцать, как не прибежал.
- Ну, вот же окурок лежит!.. Здесь они где-то, – Надежда уже тоже подошла.
- Жена пограничника! – прошептал Лёха, улыбаясь во весь рот.
- Куда ж они подевались-то?..! – тон Надежды стал раздражительным.
- Образцовая офицерская жена – на Лиго ей нужен муж! – Наташка. Замполитша.
- Юр, ты Наташку не бьёшь?
- Бью, – просто отозвался Юрка. Лёха беззвучно заржал. Там все заржали в голос.
- Ой, он меня так бьё-о-от!.. Он у меня такой си-и-ильный... – Наталья явно висла на муже.
- Надюш, пойдём. Ребята, наверно, уже с ухой ждут, – начал уговаривать Юрка.
- Да ребята твои пока вдрызг не разосрут, не будет вам никакой ухи. Галка сначала Филиппыча доведёт. И пото-о-ом только за уху вашу возьмётся!.. У них вдвоём-то вообще ничего не выходит...
- Конечно, доведёт. И знаем мы, за что она возьмётся... – сладко потянула Наталья, – Как март – так в роддом – Лиго ж!..
- Наталья!.. – смутилась Надежда. Перед Олегом, видимо, – И слава Богу!
- Конечно, слава Богу. Это я к тому, что кое-что выходит, значит. Вдвоём-то, – все снова заржали, а Наталья начала притворно канючить, – Ю-у-ур... Ну, пойдём отсюда, Ю-у-ур!.. Пойдем на озеро, а? Костёрчик сложим...
- Дождь будет, Наташ. Да и до рассвета не так, чтоб много осталось. Ночь-то самая короткая...
- Ну, Ю-у-ур!.. Ребята дров наготовили. Из расположения бочку приволокли...
- Бочку? Что за бочку ещё? – Юркин голос стал пристрастным.
- Ой!.. Да она старая уже... Рассохлась вся. Филиппыч им са-а-ам разреши-и-ил, – снова начала ластиться замполитша.
- Правда, Надюш, пойдём. Ну, были они здесь. Ну что, ты не знаешь его, что ли? По постам, наверно, двинул... – Лёха молча показал большой палец.
- Ну ладно, пойдём, – сдалась Надежда, – Объявятся, – и Наталья тут же притворно-салонно заворковала:
- Пойдёмте с нами, Олег. Пойдёмте-пойдёмте! Вы нам очень... очень поможете!.. Вот и Алику досталось, – подумал я, – Бедный пацан!
- Откуда-то с противоположного спуска с холма послышалось разноголосое «ау-у!..», потом смех и Натальино ласково-многообещающее «ну и чёрт с вами!», обращённое явно к нам.

– Всё. Давай курить, – Лёха выудил из смятой пачки сигарету, чё-то там попытался рассмотреть, и спросил, – У тебя много ещё?

– Как курить будем.

– Ничего, щас достанем... Вот, гляди, – он обернулся к чуть выступающему берегу и показал в темноту рукой, – вон погранзона моя заканчивается. Во-о-он... По границе леса прям. С километр отсюда, чуть меньше... Видишь?

Я честно напрягал зрение, но ничего кроме тёмного клочка берега и серебристой воды, разглядеть не мог. Но тут мне на помощь пришла любопытная бренд-вахта – справа из-за валунов осторожно вылез лучик прожектора и начал ме-е-едленно ощупывать лес. Стало понятно, что здесь – да, именно лес. Потом появилась какая-то проплешина – даже отсюда понятно было, что большая – опять чуть-чуть лес и, наконец, серый однообразный берег. В какую-то крапинку.

– Песок. Дюны пошли. Короче, зона отдыха – пляж... И прочее, – прокомментировал Лёха.

– Что-то россыпей голых девок не наблюдается.

– Е-е-есть они там... Есть. И не одна сотня, поди. И не одних девок. Далеко – даже восьмикратка толком не берёт.

– А что за поляна такая была?

– Личное изобретение – вырубка. Хотел ещё сделать, да и за эту шею так намылили – мама, не горюй!..

– А на фига? Она же в твоей зоне.

– То то и оно – дорога там подъездная. И проходит по моей зоне, по лесу. И ни хрена видно не было. А сейчас, если под фарами идут, всё, как на ладони. А кордон у меня там, аж у самого пляжа. Стало быть, контроль только за выездом. А въезд... Ну ты сам видел, какой там контроль на въезд. Только секретами и спасаюсь! Э-э-эх... Мне б там полноценный КПП соорудить!..

– Ну и соорудил бы!.. Ты ж тут «царь и Бог»!

– Да я уже плешь проел в отряде. И там, кстати, не против. Но... О, Серёг, а ты знаешь, как в Москве контора называется, на которую решение всех этих вопросов на местах повесили? – Лёха хохотнул и торжественно продекламировал, – «Управление по взаимодействию с администрациями временно оккупированных территорий»! О как!!! Понятно, что нужна такая. На перспективу, так сказать, на всякий пожарный... Но под такой вывеской в текущий-то момент можно ж вообще ни хрена не делать. Вот им и подбрасывают... задачки-то. Но можно ж было такое-то подразделение... если уж не заново сформировать, то хоть из управления вывести! Чтоб людей не пугать. А то и так тут некоторые поговаривают, что, по сути-то верно.

– Верно, что «временно»?

– Верно, что «оккупированных».

Я уставился на Алексея, не зная, как реагировать.

– Лёш... А тебя не очень... заносит?

Теперь пришла очередь ему на меня уставиться. Он смотрел недолго – секунду-две. Но очень испытующе. А потом уверенно произнёс:

– Нет, Серёг, не очень. В самый раз.

– Ладно, не бери в голову. Я так... Но ты объясни: здесь погранзона, упирающаяся в море, и сюда – нельзя. Там тоже море. Но туда – можно. В чём разница-то?

– Говорю ж, зона отдыха. Отдыхать людям где-то надо? Надо. Во-о-от. У меня лес до уреза воды. А там – пляж, дюны... Местность открытая. Просматривается. Кстати, тоже моя зона ответственности, но – не погранзона. Не режимная. Патрулируем только. Но сегодня

соваться – себе дороже... Ну, поговорили и будя. Передохнул? Полезли дальше – Лиго смотреть. Вот эту кучу справа обогнём и будет тебе... Лиго!

И мы стали карабкаться дальше. За Айсаргом уже – пёс сам сообразил, куда мы идём, и теперь возглавил процессию. Скоро «дорога» стала совсем ровная, без булыжников и растительности, и я выбрался на небольшую площадку, которая справа обрывалась крутым склоном холма, а слева упиралась в нагромождение валунов – мы их всё-таки обогнули. Море теперь было со всех сторон, и никакого Лиго, кроме открывшегося заново противолодочника, не наблюдалось. Оперевшись на крайний валун, на котором опять изваянием застыл Айсарг, меня поджидал Лёха.

– Ну иди, любуйся, – и Лёха сделал широкий приглашающий жест, пропуская меня вперёд. Я вышел из-за нагромождения камней и... обалдел!..

Влево уходил довольно пологий «совсем лысый» склон. Внизу он всё-таки обрастал растительностью, постепенно превращаясь в лес, выходящий к морю. Берег лежал широкой дугой до следующего мыса – тоже пологого, и к вершине начинающего темнеть – там снова начинался лес. А между двумя тёмными пятнами лесов по берегу тянулась полоса дюн шириной метров в триста, обрамлённая слева редкими корабельными соснами. И от этих сосен до самого берега всё пространство было усыпано десятками... нет, сотнями даже! – оранжевых подмигивающих огоньков!.. Они начинались метров в ста от Лёшкиного леса и в начале попадались редко – по одному, по два-три... Потом всё чаще и больше, расстояния между ними всё сокращались и сокращались и где-то с середины песчаной полосы и аж до самого мыса пляж превращался в море самых разных, каждый по-своему мигающих оранжевых огоньков, будто рассыпанный кем-то бисер. Маленькие, большие, огромные... Сверкающий под ночным небом ковёр!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.